

Борьба съ антихристомъ подъ городомъ Тирасполемъ ¹⁾.

Изь всѣхъ послѣдователей Виталии въ Плавняхъ выжилъ одинъ только Ѳ. Ковалевъ, и объ этомъ виновникъ совершившагося слѣдуетъ еще сказать нѣсколько словъ.

Предварительное слѣдствіе лишено было возможности собрать о личности его желаемый матеріалъ. Жизнь его до Тираспольскаго событія протекала въ условіяхъ самой обыкновенной обстановки, мѣстнаго мѣщанина - садовладѣльца.

Всѣ близкія, общавшіяся съ нимъ, лица заживо погребены имъ, а съ живущими сосѣдями онъ не знался и избѣгалъ ихъ. Впечатлѣніе, произведенное имъ на участвовавшихъ въ производствѣ предварительнаго слѣдствія, какъ я сказалъ уже, было впечатлѣніемъ, производимымъ человѣкомъ неразвитымъ, замкнувшимся въ самого себя и не любившимъ общенія. Такимъ обнаружилъ онъ себя и во время заключенія своего въ тюрьмѣ. По словамъ начальника тюрьмы Кривенко, онъ примирился съ условіями своего тамъ существованія и выражалъ Кривенко намѣреніе взять себѣ по дѣлу хорошаго защитника. Въ этихъ видахъ онъ отдалъ въ аренду пять съ лишнимъ десятинъ своей земли на 12 лѣтъ и сразу получилъ 1200 рублей, которые и передалъ въ тюрьму на храненіе. Кромѣ того онъ не забылъ и старика Соловьева, отца, заживо похороненной имъ жены своей, и подарилъ ему 1½ десятины своего сада, „чтобы этимъ, хотя отчасти, вознаградить Соловьева за смерть дочери“, какъ говорилъ Ковалевъ. На будущее, по удостовѣре-

¹⁾ См. „Русская Старина“, декабрь 1913 г.

нію этого свидѣтеля, Ѳ. Ковалевъ смотрѣлъ довольно бодро, надѣясь на хорошаго защитника. Практическій человѣкъ, поглощенный будничными интересами жизни, а не человѣкъ, пережившій величайшія нравственныя страданія, сказывался въ немъ и въ отношеніяхъ его къ производившемуся уголовному дѣлу.

Онъ, повидимому, не чувствовалъ мучительныхъ угрызений совѣсти и былъ далекъ отъ учиненія, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ слѣдствія, чистосердечнаго признанія. Онъ пытался вначалѣ, при учиненныхъ допросахъ его, поддерживать легенду, будто жена съ дѣтьми уѣхала въ какіе-то невѣдомыя ему далекія страны, при чемъ для поддержанія достовѣрности своего утвержденія, изъявлялъ готовность перенести матеріальныя траты, съ цѣлью обнаруженія ихъ мѣстожителства. Когда старикъ Соловьевъ съ двумя взрослыми сыновьями, узнавъ объ исчезновеніи жены Ѳ. Ковалева и подъ вліяніемъ распространившихся въ народѣ слуховъ, что она съ дѣтьми и другими исчезнувшими лицами похоронена живою, стали энергично требовать отъ него объясненій, онъ отвѣчалъ лаконично, отзываясь полнымъ невѣдѣніемъ, но при этомъ изъявилъ согласіе на производство пришедшими Соловьевыми, по ихъ желанію, осмотра мѣстности и помѣщеній. Только тогда, когда такимъ образомъ, безъ всякаго съ его стороны содѣйствія, стали обнаруживаться въ Плавняхъ замурованные и засыпанные землей трупы, жертвы его дѣйствій, онъ измѣнилъ свою тактику отрицанія и лжи и постепенно сталъ учинять признаніе въ совершеніи того дѣла, отрицаніе котораго было уже невыносимо. Такимъ образомъ Ѳ. Ковалевъ не терялъ реальной почвы подъ ногами, а его религіозный фанатизмъ былъ, нужно полагать, не естественнымъ продуктомъ развитія его внутреннихъ убѣжденій, а извнѣ навѣяннымъ душевнымъ настроеніемъ, навѣяннымъ подавившею его своею волевою силою Виталии. Прекратилось со смертью ея это вліяніе, и Ѳ. Ковалевъ сталъ быстро пріобрѣтать обычный обликъ зауряднаго и разсудочнаго человѣка, весьма скромнаго умственнаго развитія. Эти свойства личности явственно выяснились и въ послѣдующемъ періодѣ его жизни.

Результатами произведенныхъ по дѣлу дознаній и предварительнаго слѣдствія съ полной несомнѣнностью выяснилось, что преступныя дѣянія, совершившіяся въ Плавняхъ, имѣютъ вполнѣ спорадическое значеніе и не вышли изъ предѣловъ данной мѣстности. Въ видахъ выясненія того, не представляются ли эти тираспольскія преступленія лишь частнымъ выраженіемъ

емъ глубокаго религіознаго движенія, народившагося въ расколѣ, полицейскія разслѣдованія распространились на широкую территориальную область. Дознаніе, въ видахъ этихъ, было произведено въ городѣ Херсонѣ и Николаевѣ, гдѣ проживали родные сестры Виталин—Татьяна Панкова, а также мужъ и дѣти другой, какъ мы знаемъ зарывшейся сестры ея, Елизаветы Денисовой. Для установленія личности Виталин и выясненія ея отношеній къ другимъ лицамъ, дознаніе произведено было также въ г. Одессѣ, гдѣ проживалъ родной братъ ея, Лука Мокѣевъ. Ни въ этихъ мѣстахъ, ни въ мѣстности, ближайшей къ г. Тирасполю, не удалось однако обнаружить ничего такого, что могло бы служить признакомъ широкаго распространенія изувѣрствъ религіознаго воззрѣнія Виталин.

Предварительное слѣдствіе по окончаніи своемъ, несмотря на обнаружившіяся фактическія данныя къ обвиненію Ѳ. Ковалева въ совершеніи ряда убійствъ подъ вліяніемъ религіознаго фанатизма, не получило однако дальнѣйшаго движенія въ судебномъ порядкѣ. Статья 203 Улож. о Нак. (нынѣ закономъ 14 марта 1906 г. отмѣненная, въ качествѣ квалифицирующей убійства статьи), хотя по внѣшнимъ признакамъ и соотвѣтствовала виновности его, но не соотвѣтствовала ей по внутреннему ея содержанію. Какъ ни ужасны были совершенныя Ѳ. Ковалевымъ убійства, но тѣмъ не менѣе совершены они были изъ желанія спасти души загубленныхъ имъ близкихъ людей отъ власти антихриста. Онъ былъ, подъ вліяніемъ воздѣйствій Виталин, убѣжденъ, что, совершая свои дѣянія, онъ спасаетъ ихъ души для вѣчнаго блаженства, а для подобныхъ поступковъ карательная статья закона, угрожавшая каторжными работами отъ 12—15 лѣтъ, едва-ли могла быть признана подходящей. Такой обвинительный приговоръ о Ѳ. Ковалевѣ не соотвѣтствовалъ бы взволнованной, совершившимися злодѣяніями, общественной совѣсти и не удовлетворилъ бы ее. Но, съ другой стороны, и постановка присяжными засѣдателями оправдательнаго приговора, въ виду исключительныхъ свойствъ совершенныхъ преступленій вполне возможная, точно также не удовлетворила бы интересы уголовного правосудія. Этотъ взглядъ на дѣло, сложившійся и у мѣстныхъ судебныхъ дѣятелей, былъ поддержанъ и мною, по возвращеніи изъ Тирасполя, при личномъ докладѣ тогдашнему министру юстиціи Н. В. Муравьеву и встрѣтилъ съ его стороны сочувственное отношеніе. Н. В. Муравьевъ пожелалъ только, чтобы прежде чѣмъ установить окончательное сужденіе по дѣлу, я съѣздилъ отъ его имени къ

оберъ - прокурору Св. Синода К. П. Побѣдоносцеву и повторивъ ему мой докладъ, попросилъ его высказать свое мнѣніе о томъ, согласенъ ли онъ будетъ на то, чтобы онъ, министръ, Всеподданнѣйшимъ докладомъ испросилъ Высочайшее соизволеніе на прекращеніе судебного дѣла о Ѳ. Ковалевѣ и о пожизненномъ заключеніи его въ монастырь. Вспоминая это посѣщеніе мною К. П. Побѣдоносцева, какъ далеко отстоящій отъ настоящаго времени историческій моментъ, приходится сказать, что посѣщеніе это произвело на меня впечатлѣніе, неожиданнаго мною. Направляясь къ нему, я зналъ, что онъ находится въ курсѣ этого дѣла, но я вмѣстѣ съ тѣмъ предполагалъ, что онъ радъ будетъ, помимо имѣвшихся у него въ распоряженіи источниковъ знанія этого дѣла, полученныхъ чрезъ лицъ духовнаго вѣдомства, послушать судебного дѣателя, съ мѣста преступленія пріѣхавшаго и имѣвшаго возможность можетъ быть сообщить ему такіа свѣдѣнія, которыхъ онъ не имѣлъ. Докладъ мой вышелъ очень неудачнымъ. Изложеніе обстоятельствъ дѣла и свѣдѣній, относившихся къ жизни мѣстнаго раскола, его видимо не интересовало. Онъ нѣсколько разъ перебывалъ мой докладъ въ качествѣ человѣка, которому все это хорошо извѣстно и у котораго сложился уже вполне опредѣленный взглядъ на это преступленіе.

Въ концѣ концовъ онъ завелъ со мною бесѣду о томъ, что дѣлается у насъ въ Уголов. Кассац. Деп. Сената, при чемъ заявилъ свое неудовольствіе на разъясненія Сената по вопросамъ объ уголовномъ преслѣдованіи штундистовъ. Это были годы энергичнаго воздѣйствія власти на эту секту путемъ возбужденія уголовного преслѣдованія ея (главнымъ образомъ по ст. 29 Уст. о Нак.). Сенатъ, стремясь ввести эти преслѣдованія въ законныя предѣлы, нѣрѣдко устанавливалъ ограничительныя признаки по вопросу о томъ, что такое штунда и при наличности какихъ условій проповѣдываніе ея ученія подходитъ подъ дѣйствіе уголовного закона. „Вамъ хорошо, сидя въ зданіи Сената, давать всевозможныя разъясненія въ отношеніи преступной дѣятельности раскола, но каково намъ, дѣйствующимъ на мѣстахъ, бороться съ расколомъ при вашихъ разъясненіяхъ“, говорилъ мнѣ К. П. Побѣдоносцевъ. Видя, что цѣль моего пріѣзда, по порученію М. Ю., не достигается, я рѣшился прямо поставить вопросъ о томъ, въ виду затрудненій, встрѣчающихся для преданія суду Ѳ. Ковалева, какъ полагалъ бы онъ поступить съ дальнѣйшей судьбой Ѳ. Ковалева? „Повѣсить его надо“, сказалъ мнѣ К. П. Побѣдоносцевъ съ видимымъ раздраженіемъ.

Я вполне убѣжденъ, что въ этой фразѣ не было выражено твердо сложившагося убѣжденія ея автора. Это были, по выраженію Горация, „губныя слова“, въ которыхъ не отразились ни мысль, ни чувство говорившаго ихъ. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то, что впоследствии и вѣроятно при личномъ свиданіи съ Н. В. Муравьевымъ К. П. Побѣдоносцевъ раздѣлилъ его взглядъ и согласился на прекращеніе этого дѣла. Но со мною онъ говорилъ иначе и, полагаю я, раздраженно потому, что видѣлъ въ моемъ посѣщеніи попытку судебного дѣятеля вторгнуться въ спеціальную область его вѣдѣнія въ отношеніи борьбы съ расколомъ. Смущенный я рѣшилъ поставить вопросъ въ нѣсколько иной болѣе опредѣленной формѣ. Я спросилъ К. П. Побѣдоносцева, не признаетъ ли Его Высокопревосходительство цѣлесообразнымъ и справедливымъ замѣну ожидающей Ѳ. Ковалева уголовной кары помѣщеніемъ его пожизненно въ монастырь. „Никогда, — отвѣтилъ онъ мнѣ рѣшительно, — это для чего же? Для того, чтобы Ковалевъ испортилъ мнѣ въ монастырѣ всѣхъ монаховъ!“ На этомъ и окончилась наша бесѣда и притомъ единственная моя бесѣда съ К. П. Побѣдоносцевымъ.

31 декабря 1897 г., по Всеподданнѣйшему докладу Министра Юстиціи, послѣдовало Высочайшее Государя Императора повелѣніе относительно помѣщенія Ѳ. Ковалева въ одинъ изъ православныхъ монастырей. Во исполненіе такого Высочайшаго повелѣнія, по опредѣленію Св. Синода отъ 30 января и 8 февраля 1898 г., названный мѣщанинъ Ѳ. Ковалевъ помѣщенъ былъ въ существовавшее тогда при Суздальскомъ Спасо-Евѣиміевомъ монастырѣ арестантское отдѣленіе. Это заключеніе Ковалева длилось однако недолго. Въ 1904 г. настоятелемъ названнаго монастыря данъ былъ Св. Синоду отзывъ, что Ѳ. Ковалевъ „набоженъ, скромнъ, изъ раскола присоединился къ Православной Церкви, заслуживаетъ участія и полнаго помилованія“¹⁾.

Затѣмъ, въ 1904 г., согласно опредѣленію Св. Синода, въ октябрѣ Ковалевъ переведенъ былъ въ число братіи этого монастыря и назначенъ послушникомъ, а черезъ два мѣсяца въ январѣ 1905 г. 6. Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевымъ испрошено было Высочайшее соизволеніе объ освобожденіи Ковалева изъ монастыря. Изъ свѣдѣній, въ томъ же году сообщенныхъ Оберъ-Прокурору Министерствомъ Внутрен-

¹⁾ Означенныя свѣдѣнія получены мною изъ дѣлъ Канцеляріи Оберъ-Прокурора Св. Синода отъ 6. Оберъ-Прокурора С. Лукьянова, согласно просьбѣ моей, имъ любезно исполненной.

нихъ Дѣлъ, видно, что послѣ освобожденія своего изъ монастыря Ковалевъ выбылъ къ мѣсту своего жительства, то есть въ Плавни. Какъ сложилась затѣмъ его дальнѣйшая судьба, видно изъ нѣкоторыхъ частныхъ свѣдѣній, полученныхъ мною изъ Тираспольскаго уѣзда ¹⁾. Оказывается, что вскорѣ по выходѣ изъ монастыря Ѳ. Ковалевъ женился на православной и, имѣя отъ нея дѣтей, основалъ, такимъ образомъ, новую семью, съ которою вѣроятно проживаетъ и понынѣ въ Плавняхъ. Вспоминается мнѣ, что уже при производствѣ настоящаго дѣла мѣстныя власти опасались, что мѣсто совершенія преступленій привлечетъ къ себѣ въ будущемъ вниманіе фанатиковъ бѣгунскаго толка и сдѣлается предметомъ культа. Можно было также опасаться, что прибытіе въ ту мѣстность Ѳ. Ковалева будетъ точно также содѣйствовать развитію религіознаго фанатизма. Дѣйствительность показала однако, что опасенія эти не нашли почвы для своего осуществленія. Ѳ. Ковалевъ, несмотря на обнаруженную крайность своего изувѣрства, явился къ себѣ на родину преобращеннымъ и притомъ православнымъ, не возбуждившимъ къ себѣ вниманія, а тѣмъ болѣе расположенія ни раскольниковъ, ни православнаго населенія.

Повидимому, на этотъ разъ обращеніе Ѳ. Ковалева въ православіе не менѣе искренно, чѣмъ то изувѣрство, которое возбуждено было въ немъ Виталіей, какъ въ раскольникѣ. Изъ частныхъ свѣдѣній видно, что нынѣ онъ заявляетъ себя ярымъ защитникомъ православной вѣры и стремится къ проповѣднической дѣятельности, съ цѣлью обращенія старовѣровъ въ православіе. Онъ не уклоняется принимать участіе въ религіозныхъ собесѣдованіяхъ и дѣлалъ попытки занять мѣсто псаломщика при мѣстной единовѣрческой церкви. Мѣстные старовѣры говорятъ, что Ѳедоръ Ковалевъ „въ православной вѣрѣ весьма упоренъ и скорѣе его жена приняла бы старую вѣру, нежели онъ“. Онъ не забываетъ также интересы плодоводства и занимается обработкой сада и вообще своимъ домашнимъ хозяйствомъ. Производитъ онъ на лицъ, нынѣ общающихся съ нимъ, впечатлѣніе совершенно здороваго и спокойнаго человѣка, обнаруживающаго сильную волю и установившійся характеръ.

Старовѣры, сочувственно относившіеся къ Виталію и ожидавшіе по предсказанію ея конецъ міра, послѣ всего совершившагося разочаровались въ ея ученіи и убѣдились въ томъ, что

¹⁾ Доставленіемъ этихъ свѣдѣній я обязанъ любезности б. уѣзднаго члена Одесскаго окружнаго суда по Тираспольскому уѣзду В. Деметрину, сообщившему мнѣ ихъ въ 1910 году.

замурованные были заблуждавшимися подвижниками. Соответственно этому Виталия, въ воспоминаніяхъ мѣстнаго населенія, оказывается совершенно непопулярной, и они вспоминаютъ о ней съ тяжелымъ чувствомъ какъ объ участницѣ въ зломъ дѣлѣ. Въ связи съ такимъ настроеніемъ тотъ погребъ и тѣ ямы, въ которыхъ покончили свое существованіе мучительной смертью Виталия и ея сподвижники, остаются понынѣ заброшенными въ прежнемъ видѣ, не представляя для живущаго въ тѣхъ мѣстахъ населенія никакого религіознаго интереса. При попыткахъ узнать отъ нынѣшнихъ плавнинскихъ жителей что-либо о погибшихъ, они стараются разговоръ замять и какъ бы стыдятся за совершившееся.

Таковъ оказался результатъ этого совершенно исключительнаго по своимъ свойствамъ уголовного преступленія. Антихристъ оказался побѣжденнымъ, но человѣческія жертвы, созданныя борьбою съ нимъ, какъ съ фикціей, многочисленны.

Французскій психологъ Рибо высказалъ упрекъ современной психологіи въ томъ, что она слишкомъ мало до сихъ поръ занималась изслѣдованіемъ религіозныхъ идей и чувствъ. Тираспольское дѣло свидѣтельствуемъ о томъ, что жизнь въ этомъ отношеніи создаетъ, дѣйствительно, цѣнные матеріалы, на оцѣнкѣ которыхъ поучительно остановиться. При неизбежно ограниченныхъ предѣлахъ журнальной статьи невозможно исчерпать всего обилія имѣющихся въ слѣдственномъ по дѣлу производствѣ данныхъ ¹⁾.

Тираспольское изувѣрство представляется продуктомъ рѣзкаго отреченія отъ міра лицъ, вложившихся въ него. Генезисъ этого отреченія приходится искать не въ одной какой-нибудь причинѣ, повелительно воздѣйствовавшей на участниковъ пре-

¹⁾ Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ особаго вниманія многочисленные осмотры, произведенные судебнымъ слѣдователемъ, вещественныхъ доказательствъ по дѣлу. Такъ, въ слѣдственномъ производствѣ имѣются: 1) осмотръ иконъ, книгъ и свѣчей, найденныхъ въ мнѣ погребѣ Омина; 2) осмотръ иконъ-крестовъ, четокъ и др. предметовъ, найденныхъ въ кельѣ Федора Ковалева; 3) осмотръ предметовъ, найденныхъ въ одной изъ келій скита; 4) осмотръ книгъ и рукописей, найденныхъ въ сундукѣ, обнаруженномъ на чердакѣ дома, въ которомъ жилъ Федоръ Ковалевъ; 5) осмотръ камилавки, въ которой О. Ковалевъ доставленъ былъ въ тюрьму; 6) осмотръ вещей, принадлежащихъ О. Ковалеву, въ которыхъ онъ былъ арестованъ; 7) осмотръ одежды слѣплого старика, жившаго у Александры Ковалевой; 8) осмотръ вещей, найденныхъ въ усадьбѣ Назара Омина въ ямѣ, вырытой недалеко отъ погребѣ. Цѣнны также имѣющіеся въ слѣдственномъ дѣлѣ осмотры скита А. Ковалевой и м. д.

ступленія, а въ цѣломъ рядѣ сложныхъ причинъ, обусловившихъ собой существованіе и міровоззрѣніе тираспольскихъ жителей. Не послѣднее мѣсто въ ряду этихъ причинъ сыграла ихъ замкнутость и отчужденность отъ соціального существованія. Они не знали никакихъ общественныхъ интересовъ и вполне безучастно, какъ мы видѣли, относились даже къ своимъ ближайшимъ сосѣдямъ. Только подъ конецъ своего земного существованія, когда они уже стали лицомъ къ лицу съ роковымъ, возникшимъ въ нихъ вопросомъ о неизбѣжности борьбы съ антихристомъ, они начали заботиться о ближнемъ и, поспѣшно распродавая свое имущество, какъ о томъ удостовѣрили многіе свидѣтели, такимъ образомъ вложились въ дѣло благотворительности. Въ теченіе предшествовавшаго времени, въ періодъ долгаго своего существованія въ Плавняхъ они не находили отклика въ своемъ сердцѣ на нужды ближнихъ. Ихъ гораздо больше интересовало подавленіе въ себѣ всѣхъ мірскихъ желаній и уничтоженіе тѣхъ соціальныхъ чувствъ, которыя привязываютъ обыкновенно людей къ жизни. Добровольно принятыя ими на себя великія страданія являются естественнымъ послѣдствіемъ этого воспитаннаго ими въ себѣ душевнаго настроенія.

В. Случевскій.

(Окончаніе).

